

Чувствуя за собой грешок, Лян Жуйси изрядно застрял в ванной, судорожно соображая: если Чжоу Янь решит устроить ему разборку, как выкручиваться?

Впрочем, пораскинув мозгами, он решил, что ничего крамольного не сказал. Чжоу Янь со Сяо Чжи сошлись ещё на втором курсе — шесть лет назад. Пусть расстались из-за жизни в разных городах, но года четыре или пять пробыли вместе. За это время у Чжоу Яня ни разу не «возникло желания»? Ни единого раза не переспать с девушкой за столько лет! Ладно он сам, но какая девчонка подобное вытерпит?

Чем больше Жуйси размышлял, тем сильнее убеждался в своей правоте: бояться абсолютно нечего. В конце концов, у него самого перед Се Вэньму тоже ничего не вставало. В худшем случае Чжоу Янь пойдёт и растреплет об этом в группе — будут собратями по несчастью. Поделиться позором с другом — тоже своего рода утешение.

Укрепив боевой дух, Лян Жуйси натянул трусы, выпятил грудь колесом и гордо шагнул из ванной с голым торсом.

Однако, войдя в спальню, он опешил: Чжоу Янь уже лёг!

В комнате горел лишь тусклый ночник. Чжоу Янь лежал на боку, отвернувшись к стене и подтянув одеяло до самого подбородка. Его сгорбленный силуэт выглядел настолько одиноко и сиротливо, будто он был терракотовым истуканом, приготовленным к погребению.

Весь боевой задор Жуйси мгновенно разлетелся в прах. В голове набатом забилась единственная мысль: «Дело дрянь». Он задел Чжоу Яня за живое, и тот теперь сгорает от тоски, глотая слёзы под одеялом!

Отбросив полотенце, Лян Жуйси забрался на кровать и тихо окликнул:

— Чжоу Янь...

Тот лишь слегка шевельнулся, но ничего не ответил.

Острый укол вины заставил Жуйси опуститься на колени у него за спиной. Он несмело протянул руку и похлопал друга по плечу:

— Чжоу Янь, я... я же просто пошутил... А-а-а-а!!

Чжоу Янь внезапно сдёрнул с кровати огромное двухметровое одеяло и, точно рыболовную сеть, накинул его на Жуйси.

Прежде чем Лян Жуйси успел сообразить, что происходит, его с головой накрыло плотной тканью. Чжоу Янь ловко замотал его, точно блинчик, навалился сверху всем телом и с ухмылкой процедил над самым ухом:

— Слыхал, ты сомневаешься в моих возможностях?

— Ты, блин, встречался с ней столько лет и ни разу не захотел! Ты... Охренеть! — задохнулся от возмущения Жуйси.

Чжоу Янь от души влепил ему звонкий щелбан по заднице прямо через одеяло и, не давая опомниться, вонзил пальцы ему в бока, принимаясь беспощадно щекотать.

— Ха-ха-ха! — Лян Жуйси забился, точно засунутый в мешок кролик. Он не мог ни вырваться, ни подняться, отдавшись на волю чужим цепким рукам. — Сука... ты играешь не по правилам! А-ха-ха-ха, бя!..

— Могу я или не могу? — Чжоу Янь нащупал самое чувствительное место на его талии и перешёл в точечное наступление.

Жуйси извивался в тесном коконе, задыхаясь от смеха и умоляя о пощаде:

— Перестань, хватит! Братуха, я был неправ! Сдаюсь!

Чжоу Янь не спешил отпускать пленника. Он лишь слегка откинул край одеяла, высвободив его растрёпанную голову, и ткнул ему под нос собственный телефон:

— Опровергай.

На экране горел чат «Группы сплетников 326». Скользнув взглядом по ультиматуму Чжоу Яня и последующему глумлению друзей, Лян Жуйси мысленно взвыл: «Да ты совсем сдурел?!»

Не успел он толком возмутиться, как пальцы Чжоу Яня снова угрожающе сжались у него на боку. Напуганный Жуйси судорожно зажал кнопку голосового сообщения:

— Чжоу Янь ещё как может! Он гигант мысли и отцов гиганта! В общем, может и ещё как!

Чжоу Янь наконец ослабил хватку. Лян Жуйси выкатился из одеяльного плена, тяжело дыша, и тут же ощутил, как сверху на него прилетел ворох ткани.

— Надень пижаму, — хриловатым, но непреклонным тоном чеканщика приказал Чжоу Янь.

Лян Жуйси в мгновение ока влез в пижамные штаны и кофту. Лицо его горело от недавней возни. Натягивая одежду, он не удержался от подколки:

— Ты испортился, адвокат Чжоу! В студенческие годы ты не был таким коварным гадом!

Чжоу Янь усмехнулся одним уголком губ:

— Раз знаешь, что я испортился, будь впредь шелковым.

Лян Жуйси на это лишь сжал зубы.

Он сходил в гостиную за своим телефоном, а вернувшись в спальню, увидел, что Чжоу Янь уже заново застелил кровать — каждому досталось по отдельному одеялу.

Прошлой ночью было то же самое. И Жуйси всё равно про себя думал: что-то с Чжоу Янем не так. Зачем одинокому мужику держать дома два одеяла? А если девушка придёт, тоже укрываться отдельно? Какая-то странная прихоть...

Свет ещё горел. Улегшись, Жуйси глянул в чат. Поскольку голосовое ушло с телефона Чжоу Яня, оно послужит неопровержимым доказательством того, что «сказано — сделано». В группе, разумеется, начался настоящий фурор.

Вэй Жань: «Ничего себе! [□][□]»

Лю Цзинтун: «Охренеть! [□][□]»

Шэнь Хуэй: «У нормального мужика один заход занимает от трех до пяти минут. С момента, как Чжоу Янь заявил, что завалит Школьного красавчика, прошло тридцать пять минут. А Чжоу Янь-то хорош!»

Вэй Жань: «Шэнь Хуэй как всегда точен! [□] Чжоу Янь хорош! [□]»

Лю Цзинтун: «Шэнь Хуэй точен! [□] Чжоу Янь хорош! [□]»

Лян Жуйси лишь скрипнул зубами: «Уродцы чертовы!»

Он с досадой швырнул телефон на подушку, решив: ладно, сделаем скидку на то, что парня бросили, да ещё, скорее всего, понаставили рогов.

Если одна короткая фраза о том, что Чжоу Янь «ого-го», способна потешить его уязвлённое мужское самолюбие и поднять настроение, то почему бы и не подыграть?

А вообще, постельное бельё Чжоу Янь выбирал с умом: мягкий латексный матрас, пышное пуховое одеяло и подушка, источающая тонкий аромат жасмина...

Жуйси уткнулся носом в подушку, втянул воздух и тихо спросил:

— Каким кондиционером для белья ты пользуешься? Классно пахнет.

Чжоу Янь полулежал, прислонившись к изголовью, и отвечать на сообщения в групповом чате не спешил — он разбирал рабочую почту. Скользнув по Жуйси быстрым взглядом, он ничего не ответил.

Лян Жуйси показалось, будто в глазах Чжоу Яня мелькнула затаенная грусть. Он устроился подбородком на подушке и, разглядывая профиль друга, неожиданно спросил:

— Ты помнишь, как мы с тобой познакомились?

— Как познакомились... — Чжоу Янь отложил телефон и лёг рядом. — Да как все: однокурсники.

— А вот и нет. Всё началось с того, что я в первый же день перепутал комнату, — с улыбкой вспомнил Жуйси. — Твоя кровать стояла ровно на том же месте, что и моя. Я только собрался бросить туда рюкзак, как явился ты...

Тогда кто-то осторожно похлопал его по плечу и вежливо поинтересовался: «Студент, ты, часом, не перепутал койку?»

Голос был бархатистым и удивительно глубоким — настолько зрелым, что Жуйси принял его за куратора курса. Но, обернувшись, увидел высокого, статного ровесника с правильными чертами лица. Тот выглядел подтянутым и строго-холодным, однако между бровей залегла едва заметная тень печали, придававшая ему сдержанное благородство.

— Я сперва подумал, что ты мой сожитель, — иронично упрекнул его Чжоу Янь. — А оказалось, ты вообще из другого блока. На двери висел огромный лист А4, где черным по белому было написано «326». Как ты вообще умудрился забрести не туда?

— Да пока искал комнату, со мной в коридоре какой-то парень заговорил. Я ведь всё проверил, но отвлёкся и завалился прямо в противоположную дверь, — засмеялся Лян Жуйси. — Но это же судьба! Ты мне сразу приглянулся. Я посмотрел на тебя и подумал: «Вот именно таких ребят я и рассчитывал встретить в Университете F».

— Ну да, — кивнул Чжоу Янь. — А потом ты ко мне прилип, точно банный лист. Куда я, туда и ты.

— Ты меня, небось, терпеть не мог? — усмехнулся Жуйси.

— Да нормальное чувство... Потом просто привык.

— У тебя просто доброе сердце. Я с первого взгляда это раскусил, — просиял Лян Жуйси, хотя, припомнив прошлые выкрутасы, смущённо хмыкнул: — На моём месте любой другой уже бы на три буквы меня послал. А ты вытерпел.

Чжоу Янь взглянул на него, и в уголках его глаз блеснули тёплые искорки:

— Надо же, сам догадался?

— Хе-хе...

Впрочем, не будь он тогда столь нахрапистым и беспардонным, они бы ни за что не сблизились. И хотя после выпуска им довелось отдалиться друг от друга, стоило им снова оказаться рядом — и вся бывалая чуткость, вся привычная теплота вернулись мгновенно.

Лян Жуйси сам поражался: надо же, помыкавшись три года, он снова лежит на одной кровати с Чжоу Янем.

Навалилась липкая дремота. Натянув одеяло повыше, Жуйси сладко потянулся и тихо пробормотал:

— Хорошо-то как...

Чжоу Янь подождал немного. Не услышав больше ни звука, он повернул голову и обнаружил, что сопевший рядом парень уже провалился в сон.

Тихо вздохнув, Чжоу Янь погасил ночник, закинул руки за голову и погрузился в темноту, где сон ещё долго не забирал его к себе.

Сколько раз в ночной тишине он страстно желал хоть на миг во сне вернуться в тот самый день их первой встречи — и ни разу мечта не сбылась.

В тот год ему исполнилось девятнадцать. Намедни закончились вступительные экзамены, сданные, по собственным ощущениям, блестяще. Сняв напряжение в весёлой игре с приятелями на баскетбольной площадке, он вернулся домой — окрылённый и лёгкий, — но случайно подслушал телефонный разговор матери. Та непринуждённо вела светскую беседу с высокопоставленными чиновниками и влиятельными лицами, между делом с лёгкостью расписывая его будущую жизнь от и до.

Циничные изнанки бытия, просочившиеся сквозь трубку, вдребезги разбили едва сложившиеся юношеские идеалы. Подобно стихам Ли Бо — «Обнажил я меч, да вокруг огляделся — в сердце лишь растерянность», — он, за плечами которого стояли десять лет упорного труда и пылкие стремления, за секунду утратил ориентиры и путь.

Словно в отчаянной попытке досадить матери, он самовольно переписал заявление и выбрал Университет F.

Когда пришло извещение о зачислении, мать устроила грандиозный скандал. Она пошла бы на всё, вплоть до задействования высоких связей, чтобы переправить его личное дело в загодя рассмотренный вуз, но Чжоу Янь решительно и с гневом воспротивился этому.

Это был первый бунт в его жизни. Мать вроде бы уступила, но Чжоу Янь понимал: то была лишь покровительственная снисходительность в допустимых рамках. Она решила, что четыре года юношеского своевластия не сыграют роли — пусть себе тешится.

То ли в силу характера, то ли из-за атмосферы в семье Чжоу Янь с малых лет был одержим стремлением поступать «правильно».

Но события того рокового июня испепелили все его представления о правильности. Одиноким, он ехал в Хайчэн на скоростном поезде. Прижавшись к окну, он весь путь ломал голову над одним вопросом: какая же жизнь на самом деле истинна?

Любой другой абитуриент, поступив в столь престижный Университет F, испытывал бы гордость и видел перед собой блистательное будущее.

Однако для Чжоу Яня окружающий мир окрасился в серые, безнадёжные тона. Реальность казалась ему вымазанной в грязи. Он отправлялся на учёбу не за знаниями, а в поиске глухого пристанища, где можно просто побыть в тишине.

Отягчённый душевной усталостью, он переступил порог комнаты 326 и упёрся взглядом в поджарую, высокую спину.

Незнакомец раскладывал вещи на кровати. Замешкавшись на пороге, Чжоу Янь ещё раз сверил список имён на двери, убедился, что койка забронирована за ним, подошёл ближе и коснулся чужого плеча.

Не напусти сейчас Лян Жуйси, Чжоу Янь и не вспомнил бы своих точных слов. Тогда им владела лишь жгучая досада от необходимости разгребать какую-то глупую путаницу в крайнем истощении.

Но когда парень обернулся, Чжоу Янь на мгновение замер. Мелькнула непрошенная мысль: «А паршивец-то хорош собой».

Правда, одежка на нём сидела безвкусно, а шевелюра отдавала каким-то грязновато-рыжим оттенком — чистый фрик из молодёжных субкультур. В престижном Цзиньвай подобные экземпляры отродясь не водились.

— А? Я что, перепутал? Да я вроде смотрел списки на стенке... — пробубнил себе под нос парень, подошёл к дверному косяку и вытаращился на табличку с полнейшим изумлением: — Едрить! Как я вообще в 326 очутился?!

«... Ещё и недотёпа. Впрочем, другого от студента Университета F ждать и не приходилось».

— Ты извини! — добродушно улыбнулся шалопай и шустро сгрёб свой рюкзак с чужой кровати.

Едва Чжоу Янь сгрузил чемодан и, переводя дух, присел, как неугомонный гость замер у двери и, щурясь на список, подал голос:

— А тебя как звать? Чжоу Янь?

— Иероглиф читается «Янь», — сдержанно поправил Чжоу Янь.

— Понял-понял! А я Лян Жуйси! — ни капли не смутившись, выпалил тот. — Я сейчас шмотки скину и вернусь!

Чжоу Янь только и смог, что промолчать.

И действительно, не прошло и двух минут, как балабол вырос на пороге:

— Ты со мной в одной группе? Откуда приехал? Я из Чаншуя. Чем потом займёшься? Я в Хайчэне впервые, может, рванём прогуляться?

Мало того, что рот у него не закрывался, так он ещё и умудрился закинуть руку ему на плечи в такую сумасшедшую жару.

Чжоу Яня этот напор доконал настолько, что слова приходилось выдавливать из себя сквозь зубы:

— Ты когда оформлялся, списки не читал? Комнаты с 321 по 338 — это вторая группа юридического факультета. Я из Наньши.

— О, Наньши! Отличное место! А у вас там вроде делают запечённую в соли курицу?

— Утку в рассоле!..

— А что ещё у вас интересного?

Чжоу Янь лишь заново набрал в грудь воздуха.

«— Чжоу Янь, пошли в мяч погоняем?»

«— Чжоу Янь, какая у нас следующая пара?»

«— Чжоу Янь, ты что, серьёзно острое не перевариваешь?»

«— Чжоу Янь, Чжоу Янь, Чжоу Янь...»

Чжоу Янь шумно перевёл дыхание от этих воспоминаний и открыл глаза. За окном уже рассвело.

Сам не заметив как, он заснул посреди этих мыслей. Взглянув на часы, увидел: ровно семь утра.

Повернув голову, Чжоу Янь обнаружил своего несносного смутьяна, который и во сне не давал ему покоя: тот раскинулся звёздочкой во всю ширину кровати, закинув тяжёлую ногу ему прямо на бедро.

Почти семь лет прошло. Он смотрел на него, и пред взором вновь оживали картины той давней поры.

Тогда он ещё не догадывался, что этот нелепый парень перевернёт всю его жизнь. Не понимал, что тот станет первой яркой вспышкой, осветившей безнадежную серость его лета.

Чжоу Янь протянул руку, ласково взъерошил его растрёпанные чёрные волосы и шепотом, едва различимым в утренней тиши, произнёс:

— Дуралей...

<http://bllate.org/book/20461/2130967>